

Ивона Крыцка-Михновска

Дмитрий Мережковский в дневниках и воспоминаниях жены

В культурной памяти Дмитрий Сергеевич Мережковский запечатлелся как выдающийся прозаик и поэт, мыслитель, литературный критик и драматург, один из инициаторов символизма и религиозного возрождения в России на рубеже XIX и XX вв. Его личность, литературное наследие, религиозная и общественно-политическая деятельность вызвали огромный интерес и противоречивые мнения как при жизни, так и после смерти писателя.

Забытый в Советской России и заново открываемый в последние годы, Мережковский дождался на родине многочисленных исследований: о его жизни и творчестве пишутся диссертации, организуются научные конференции. В 2001 г. в престижной серии «Русский путь» вышла антология «Д.С. Мережковский: pro et contra»¹, в которой собраны различные точки зрения на его место в русской культуре. В 2008 г. в серии «Жизнь замечательных людей» была опубликована биография «Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния»² Юрия Зобнина; в 2010 г. Алексей Холиков напечатал книгу «Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919»³.

Портрет Мережковского пытались составить в десятках эго-документов его современники – Георгий Адамович, Александр Бахрах, Андрей Белый, Александр Бенуа, Нина Берберова, Борис Зайцев, Владимир Злобин, Ирина Одоевцева, Юрий Терапиано и многие другие. Авторы мемуаров часто обращали внимание на уникальный характер союза, соединившего Мережковского с его женой, на их интеллектуальное единство и душевную гармонию. Берберова писала, что в её памяти «они сливаются вместе, словно одно существо в двух аспектах, словно голос, поющий длинную песню под аккомпанемент»⁴.

Одоевцева утверждала: «Это был поистине „восхитительный брак“. <...> Они так до самой смерти Дмитрия Сергеевича и прожили, не расставаясь ни на один день, ни на одну ночь. И продолжали любить друг друга никогда не ослабевающей любовью. Они никогда не знали скуки, разрушающей самые лучшие браки <...>. Они сумели сохранить свою индивидуальность, не поддаваясь влиянию друг друга. Они были далёки от стереотипной, идеальной супружеской пары, смотрящей на все одними глазами и высказывающей обо всём одно и то же мнение. <...> они дополняли друг друга»⁵.

А секретарь Мережковских Владимир Злобин на вопрос, «что было бы с ними, если б они не встретились?», ответил: «Он, наверное, женился бы на купчихе, наплодил бы детей и писал бы исторические романы в стиле Данилевского. Она... <...> Может быть, она долгое время находилась бы в неподвижности, как в песке угрушая, невзорвавшаяся бомба. И вдруг взорвалась бы бесполезно, от случайного толчка, убив несколько невинных младенцев. <...> одно несомненно: её брак с Мережковским, как бы к этому браку ни относиться, был спасителем: он их спас обоих от впадения в ничтожество, от небытия метафизического»⁶.

Сама Зинаида Гиппиус также подчёркивала исключительный характер их союза в незаконченных воспоминаниях о муже, изданных в 1951 г. под заглавием «Дмитрий

¹ Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников / Сост., вступ. ст., комм. Александра Николокина. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001.

² Зобнин, Юрий. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. Москва: Молодая гвардия, 2008.

³ Холиков, Алексей. Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. Санкт-Петербург: Алетейя, 2010.

⁴ Берберова, Нина. Курсив мой. Автобиография. Москва: Согласие, 1996, с. 383.

⁵ Одоевцева, Ирина. На берегах Сены. Париж: La Presse Libre, 1983, с. 398–399.

⁶ Злобин, Владимир. Тяжёлая душа. Вашингтон: Издательство Русского книжного дела В. Камкина, 1970, с. 18–19. Схожее мнение высказывает Николай Богомолов: «Брак с Мережковским был для Гиппиус не только источником литературных знакомств и связей, но и сильнейшим стимулом к собственному идейному самоопределению». Богомолов, Николай. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999, с. 13.

Мережковский»⁷. Воскрешая биографию Мережковского, писательница использовала дневники, которые вела на протяжении полувека. Сравнительный анализ дневников и воспоминаний, являющихся объектом исследования в статье, показывает, что реконструируя личность и творческий путь мужа, а также характер своих с ним отношений, мемуаристка идеализирует его (и собственное) прошлое во имя будущего⁸. Особенно ранние, личные дневники вызывают сомнения в правдивости повторяемой за Гиппиус-мемуаристом легенды о почти мистической духовной связи супругов⁹, которые якобы «прожили <...> 52 года не разлучаясь, со дня <...> свадьбы в Тифлисе, ни разу, ни на один день»¹⁰; разоблачают слова об их постоянном единодушии и о том, что всю жизнь писательница любила одного Мережковского, хотя «бывала влюблена», например в Николая Минского или Акима Вольтынского¹¹.

В первом, характерном для эпохи личном дневнике «Contes d'amour. Дневник любовных историй (1893–1904)», показывающем формирование модернистской идентичности автора, diarист исследует тёмные, скрытые сферы собственной психики; на первый план выдвигает желание увековечить свою жизнь как неповторимый феномен. Проникнутые болью, грустью и душевным страданием записки – размышления о любви, плоти и женской чувственности, являющиеся частью модернистского дискурса пола, не только отражают атмосферу *fin de siècle* и декадентский стиль, но свидетельствуют об отсутствии сильной связи между молодыми супругами, об одиночестве писательницы и её разочаровании¹².

На страницах дневника Гиппиус жалуется на погружённого в собственный мир Мережковского, которого считала сильнее и умнее себя. Спустя четыре года после венчания, размышляя о любви, она приходит к печальному выводу, что «у Дмитрия Сергеевича тоже не такая, не „её“ любовь» (21.02.1893)¹³. Два дня спустя признаётся: «Да, верю в любовь, как в силу великую, как в чудо земли. <...> Хочу того, чего не бывает. Хочу освобождения... Я люблю Дмитрия Сергеевича, его одного. И он меня любит, но как любят здоровье и жизнь. А я хочу... Я даже определить словами моего чуда не могу» (23.02.1893)¹⁴.

Показательно, что в дневнике «Contes d'amour» Гиппиус не посвятила мужу много места. Его героями являются упоминавшиеся уже Минский и Вольтынский, Антон Карташёв и, прежде всего, Дмитрий Философов. Именно в отношениях с ними автор записок ищет истинное чувство, идеальную «любовь-влюблённость», как замечает в письме к Флексеру от 4 марта 1895 г.: «не ту, какой она бывает, а какой она должна быть и какая одна достойна нас с Вами. Это не удовольствие, не счастье – это большой труд, не всякий на него способен»¹⁵.

Мережковский является одним из главных героев следующего личного дневника «О Бывшем (1899–1914)», в котором Гиппиус излагает историю создания религиозной утопии, попытки

⁷ См. Гиппиус-Мережковская, Зинаида. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951.

⁸ Она создаёт своеобразную «биографическую легенду». По словам Дины Магомедовой, анализирующей жизнь и творчество Блока, «биографическая легенда <...> – это исходная сюжетная модель, получившая в сознании поэта онтологический статус, рассматриваемая <...> как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве». Магомедова, Дина. Александр Блок: биография и поэтика в свете автобиографического мифа / Ред. тома Роман Мних и Роман Бобрык, Седльце: Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych UPH, 2013, с. 9.

⁹ См. Богомолов, Николай. Русская литература первой трети XX века, с. 9.

¹⁰ Гиппиус, Зинаида. Дмитрий Мережковский // Она же. Собрание сочинений. Т. VI. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. Москва: Русская книга, 2002, с. 195.

¹¹ См. Евграфов, Геннадий. Женщина «ручной выделки» // Антон Крайний (З. Гиппиус). Литературный дневник (1899–1907) / Подг. текста, вступ. ст. и комм. Геннадий Евграфов. Москва: Аграф, 2000, с. 5–31; с. 15.

¹² Шире о дневниках Гиппиус см. Krycka-Michnowska, Iwona. O sobie, o Rosji, o duszy rosyjskiej. Dzienniki Zinaidy Gippius. Katowice: Śląsk, 2015.

¹³ Гиппиус, Зинаида. Contes d'amour. Дневник любовных историй (1893–1904) // Она же. Собрание сочинений. Т. VIII. Дневники: 1893–1919 / Сост., прим. Тимофей Прокопов. Вступ. ст. Александр Николокин. Москва: Русская книга, 2003, с. 27–69; с. 30.

¹⁴ Там же, с. 32.

¹⁵ Гиппиус, Зинаида. Собрание сочинений. Т. XIV. Я и услышу, и пойму. Избранная переписка 1891–1945 гг. Венки посвящений / Сост., комм., указ. имён А. Николокин и Т. Прокопов. Москва: ИНИОН РАН 2013, с. 24.

олицетворения идеи «троебратства» и «новой Церкви» – без папы и без цезаря, основанной на фундаменте любви, равенства и свободы. В дневнике она изображает мужа как инициатора обновления религиозной жизни в России. С одной стороны, писательница указывает этот период как время укрепления её союза с Мережковским, не один раз подчёркивая свою с ним близость и единомыслие. Ища причин возникновения «троебратства», 14 сентября 1900 г. записывает: «*Мы двое, я и Дмитрий Сергеевич, хотя и двое, но во многом как бы один человек; и поскольку нас было двое – мы были сильны, а поскольку стали один – слабы. И надо нам было третьего, чтобы, соединясь с нами – разделил нас...*»¹⁶.

С другой стороны, Гиппиус многократно отмечает несоответствие их мнений о фундаментальных вопросах, вначале об идее самодержавия, затем преимущественно о вопросе пола: «„Нерешённой“ загадкой пола все были отравлены. И многие хотели Бога для оправдания пола. <...> Дмитрий Сергеевич не для оправдания, но тоже был отравлен этой входящей, – не главной – мыслью. Я не знала, но чувствовала её не главность; но знала, что они теперь не поймут. Христос – решённая загадка пола. Через влюблённость в Него – свята и ясна влюблённость в человека, в мир, в людей» (28.10.1901)¹⁷.

Спустя два месяца записывает: «Когда я опоминалась и взглядывала вокруг — видела странные вещи: Дмитрия Сергеевича, углублённого в нетонкую психологию пола <...>» (25.12.1901)¹⁸. И далее: «Я жила с одинокими мыслями, потому что Дмитрий Сергеевич был всё ещё в поле, мы совсем ни о чём с ним не говорили, точно по молчаливому соглашению» (25.12.1901)¹⁹.

Автор записок фиксирует ссоры с мужем, обращает внимание на его недостатки: привычку «уходить в себя», частое раздражение, невыносимость, которая – как замечает – «чужому в корне невыносима», трусость. Выражает неудовольствие, что Мережковский «житейски равнодушен», занят самим собой и своим литературным творчеством.

В «Парижской ажанде. 1908 г.» Гиппиус сосредоточила внимание на новой, совместной жизни «троебратства» в Париже. Она повествует об их радостях и заботах, «литургиях» и молитвах, литературном труде и общении с террористами, особо подчёркивая влияние мужа на Бориса Савинкова: «Вечером Дм[итрий] опять к Савинкову ходил. Уговаривал царя не убивать. Не для царя – а для Савинкова. Да, Савинкову это поздно, а вообще м[ожет] б[ыть] рано»²⁰. Одним из сюжетов записок является несчастливая любовь Мережковского к «Марусе» Данзас. Автор упоминает также о конфискации у писателя вышедшей в Санкт-Петербурге драмы «Павел I».

Описывающие разрушение дореволюционной России «Петербургские дневники (1914–1919)» Гиппиус вела в период Первой мировой войны, Октябрьского переворота и Гражданской войны, день за днём регистрируя события времени с точки зрения их свидетеля, главным образом отвергавшей большевизм интеллигенции. Богатое фактографически повествование о гибели культуры и цивилизации детально воссоздаёт атмосферу эпохи. Это глубоко эмоциональная запись сознания автора, выполняющая документальные и одновременно литературные функции.

На страницах дневников, особенно в начальных записках, Мережковский – это «большой единомышленник [автора – И. К.-М.] по войне <...>, антинационализму» и самодержавию (14.12.1914)²¹, затем – сторонник Керенского и «вещая Кассандра». Одновременно это человек, «весь в мгновенных впечатлениях», который часто «не имеет линии» (20.09.1917)²².

После прихода к власти большевиков Гиппиус изображает мужа не только как преследуемого приверженцами Ленина славного русского писателя, но прежде всего как их ярого противника и дальновидного пророка, который «ждёт от них самого худого»: «...Дмитрий дальше

¹⁶ Гиппиус, Зинаида. О Бывшем (1899–1914) // Она же. Собрание сочинений, т. VIII, с. 70–129; с. 71.

¹⁷ Там же, с. 73.

¹⁸ Там же, с. 82.

¹⁹ Там же, с. 83.

²⁰ Гиппиус, Зинаида. Парижская ажанда. 1908 г. // Она же. Собрание сочинений, т. VIII, с. 130–151; с. 133.

²¹ Гиппиус, Зинаида. Синяя книга // Она же. Собрание сочинений, т. VIII, с. 152–335; с. 161.

²² Там же, с. 304.

пророчесствует, уже о будущем годе, после этой зимы, в продолжение которой большевики сильно укрепятся... <...>. Дмитрий почему-то объявил, что „вот этот вторник был решающим”. (Уж не Троцкий ли загипнотизировал его своими „красными башкирами”?), – спрашивает 2 сентября 1919 г.²³.

Первый эмиграционный дневник – описывающий «польскую эпопею» Мережковских «Варшавский дневник» – является свидетельством политической участи супругов, которые становятся тогда эмигрантами, подчиняя свои действия цели свержения большевиков. Мережковский показан в нём как знаменитый писатель, привлекающий десятки интервьюеров, корреспондентов, интеллектуалов и польскую аристократию, лекции которого пользуются популярностью среди широкой публики; друг политиков и военных, принимаемый маршалом Пилсудским²⁴. Затем это человек непонятый, обманутый, интеллект и возможности которого не используются как поляками, так и русскими, отодвинутый вместе с Гиппиус на задний план Борисом Савиновым и покинутый Дмитрием Философовым.

Следующие дневники, написанные Гиппиус уже после приезда в Париж, можно воспринимать как своеобразное свидетельство потери – родины и близких. «Коричневая тетрадь (1921–1925)» – реквием по Философову, а также «дневниковая трилогия», т.е. *Дневник 1933 года*, *Несколько комментариев к комментариям и кое-что о Татьяне к Татьяне* и *Дневник 1934 года*. посвящённые конфликту автора записок с его многолетней подругой Татьяной Манухиной, отражают испытываемый Гиппиус кризис идентичности. Переломная ситуация становится исходной точкой для размышлений диариста о себе и о других; среди их героев нет Мережковского. Так же, как и в дневнике «Выбор? (1929–1930)», являющимся истолкованием конструируемой в течение нескольких десятилетий религиозно-философской системы Гиппиус и подытоживающим размышления автора в сфере богословия.

До сих пор не публиковавшаяся записная книжка 1932 г.²⁵ помогает реконструировать ход жизни Мережковских в начале 30-х гг.: Гиппиус выражает здесь растущее разочарование русской эмиграцией, подчёркивая её вырождение и отсутствие соединяющих высших идей: «Были как обычно. Никого нового, ничего нового. И всё как-то безвыходно с эмиграцией, которая падает. А мир в это время трясётся» (28.02.1932).

Одним из важнейших сюжетов в записной книжке являются организованные в парижском салоне писательской четы литературные «воскресенья», участников которых (в большинстве начинающих литераторов) Гиппиус пренебрежительно называет «зародышами». Замечая их внутреннее опустошение, жалуется на непонимание и одиночество своё и мужа: «У нас ни одного ни помощника, ни друга» (14.02.1932). Наблюдая за писателями, ведущими мелкие разговоры, горько констатирует: «Масса зародышей. За столом тесно, а болтали о пустяках» (6.03.1932).

Описание собрания «Зелёной лампы», называемой теперь «Поганой Лампадой», на котором не хватило времени для выступления претендующего на духовное руководство Мережковского, указывает на снижение его ранга в эмигрантских кругах: «Поганая Лампада. Ад.[амович] читал скучно и вяло. Народу немного. Говорили самые бесполезные – Сперанский, Оцуп. Поплавский надурочил опять. Дмитрию не хватило времени. В антракте [...] Поплавский, Сазонова, Тэффи и всякая чепуха» (4.03.1932). Зато записки, посвящённые путешествию Мережковских в Италию в мае 1932 г. свидетельствуют об огромной популярности писателя за границей: «Конференция. Веч[ером] к баронессе 9–10. Конференция обошлась очень недурно, только жара. Толпа. Дм. читал не довольно громко. Подписал, по крайней мере, 200 книг» (16.05.1932)²⁶.

²³ Гиппиус, Зинаида. Чёрная книжка // Она же. Собрание сочинений. Т. IX. Дневники 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников / Сост., примеч., указ. имён Тимофей Прокопов. Москва: Русская книга, 2005, с. 5–64; с. 50.

²⁴ Ср. Гиппиус, Зинаида. Варшавский дневник // Она же. Собрание сочинений. Т. IX, с. 85–136; с. 85–86.

²⁵ Исключение составляют фрагменты, посвящённые путешествию Мережковских в Италию в мае 1932 г. См. Пахмусс, Темира. Зинаида Гиппиус: Нуратиа двадцатого века. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002, с. 211.

²⁶ Гиппиус, Зинаида. Agenda pour 1932 // Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection, 1901–1996, Record Series Number 15/20/21, Box 22, University of Illinois Archives.

Мережковскому – точнее его отношению к Муссолини, по ироническому определению Гиппиус, «неудачному роману» или «несчастной любви» к *дуче*, с которым писатель встретился впервые в конце 1934 г., – она посвятила небольшой «Итальянский дневник (1935–1937)». Автор описывает здесь пребывание своё и супруга в Италии, где Мережковский искал материалы к книге о Данте. Гиппиус рисует в дневнике психологический портрет мужа как человека капризного, упорного и раздражительного, но прежде всего слишком доверчивого, политически наивного, главным образом в своих надеждах на Муссолини: «М[уссолини], конечно, сделал прекрасный жест, исполнив своё обещание и, несмотря на обстоятельства (война!), дав возможность Д. приехать в Италию для Данте. Не был ли это, однако, жест известного культурного снобизма? Так же, как его, будто бы, интерес к Данте и к Дм[итрию] во время их первого свидания [...]. Но Дм[итрий], этому интересу тогда поверив, продолжает верить и теперь. [...] сам Дм[итрий] признаётся, что М[уссолини] как-то огрубел, смотрел непонимающими „рачьими” глазами и, как будто, забыл и Данте, и Дмитрия. Но Дм[итрий] попросил второго свидания (и надеется на него), чтобы получить „ответы на некоторые вопросы”, – составлением которых теперь и занят, в большой спешке и с большим раздражением. Вот насчёт этих вопросов, и сути их, и формы, я очень сомневаюсь. [...] *если* М[уссолини] удосужится и прочесть эти длинные, куда-залётные „вопросы” Дмитрия; *если* он даже удосужится дать ему второе свиданье (в чём я сомневаюсь) — ничего из этого не выйдет, ибо на такие вопросы вообще нельзя отвечать, а настоящему „*prédestiné*” вряд ли нужно их и предлагать», – замечает 5 мая 1936 г.²⁷

Последние дневники Гиппиус: «Год войны (1939)» и «Серое с красным. (Дневник 1940–1941)» приобретают форму *silva rerum*, свода разнообразных сообщений как из личной жизни писательницы, так и социально-политической. Рассказ о заболеваниях, погоде, чтении, юбилеях и похоронах чередуется в них с изложением исторических событий; элементы хроники переплетаются с биографией автора.

В дневнике «Год войны» писательница ведёт записки почти ежедневно, часто упоминая о муже. На его страницах Мережковский выступает как верный спутник трудных в смысле психологическом и материальном последних лет жизни Гиппиус; пренебрегаемый издателями и редакторами писатель; добрый, мягкий, нерешительный, часто усталый, болеющий, пожилой человек, за которым она ухаживает, о котором беспокоится и которому помогает в литературной работе: «Умер Ходасевич. Шли гулять (запоздав), встретили эту страшную старуху на лестнице, [...]. Говорит – к телефону. Подошёл Дмитрий. С первых слов его я поняла. „Возрожд[ение]” просит некролога. Дм[итрий] сразу не успел отказаться. Ну и начал мучиться, да как, да не могу – решила помочь, что-то наваяла после обеда; он, бедный, вечером переписывает вместо отдыха» (14.06.1939)²⁸.

Диарист не замалчивает здесь пороков мужа. Часто описывает его как мучительного, расстроенного, преимущественно из-за нехватки денег, человека, с которым она ссорится и который её отягощает. Жалуется: «У меня сделалась тоска. Дм[итрий] заворчал на всё. Ах, сказать бы мне „домой” — но сразу...» (10.07.1939)²⁹.

Своеобразным дополнением к дневнику «Год войны» является написанная по-французски записная книжка, в которой Гиппиус с умилением и ностальгией вспоминает свою золотую свадьбу: «Noces d'or. L'anniversaire de notre mariage. Un jeune étudiant, poète, épouse une 'poëtesse' qui avait l'air d'une fillette de 14 ans avec une longue tresse blonde et la grande vivacité. L'église St Michel à Tiflis. Journée froide et ensoleillé. Comme c'est loin!»³⁰.

В отличие от дневников, которые писательница вела с ранней юности практически всю зрелую жизнь, к воспоминаниям о Мережковском она обратилась в её конце, в сороковые годы. Цель и характер книги определила в предисловии к ней следующим образом: «Все жёны людей,

²⁷ Гиппиус, Зинаида. Итальянский дневник (1935–1937) // Она же. Собрание сочинений, т. IX, с. 188–195; с. 189.

²⁸ Гиппиус, Зинаида. Год войны (1939) // Она же. Собрание сочинений, т. IX, с. 196–262; с. 218.

²⁹ Там же, с. 224.

³⁰ Гиппиус, Зинаида. Agenda per l'anno 1939 // Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection, 1901–1996, Record Series Number 15/20/21, Box 22, University of Illinois Archives.

более или менее замечательных, писали свои о нём (!) воспоминания, печатали письма. Последнего я бы не сделала <...> Трудно мне и писать воспоминания, делаю это из *чувства долга*. [курсив мой – И. К.-М.]. <...> Связанность наших жизней (и не одна внешняя) и останавливала меня. Но потом я поняла, что, отказавшись от *задачи написать то, что от меня ждут* [курсив мой – И. К.-М.], я поступлю эгоистично. И, наконец, если я буду писать свободно, не думая о препятствиях, – кто и что мне может помешать выкинуть из рукописи всё, что будет для меня звучать неприятно. <...> эта книга пускай будет написана с *полной свободой* [курсив мой – И. К.-М.], и её точное название – ОН и МЫ»³¹.

Из приведённого высказывания вытекает, что автор считает Мережковского «замечательным человеком», поэтому, подобно другим жёнам знаменитостей, хочет написать воспоминания о нём. Мотивирует это чувством долга, а также ожиданием других (главным образом Владимира Злобина)³². Хотя мемуарист оставляет за собой право писать «с полной свободой», т.е. право отбора фактов, пытается убедить читателей в своём объективизме, стремлении создать, по мере возможности, углублённый, психологически сложный образ Мережковского, а также в беспристрастном отношении к рассматриваемым вопросам, персонажам и событиям: «Мне хочется сказать здесь вот что: моя запись имела бы мало цены, если бы она сплошь была одним дифирамбом Д.С. Мережковскому. Наша нерушимая взаимная привязанность (чтобы не сказать лишний раз слова «любовь») – была слишком истинной, имела другие основы, чем какая-нибудь ослепляющая страсть или бездумное благоговение перед знаменитым супругом (у меня). Я хочу дать возможно полный образ человека со всеми его чертами, а там пусть другие разбирают, какие из них положительные, какие отрицательные. Я за него, за этот образ, не боюсь: мне-то, действительно (и кажется, единственно) знавшей и видевшей человека, со всем, что другим в нём было неприметно, – слишком ясно, что левая чаша, даже человеческих весов никогда не перевесит в нём правой»³³.

Подчёркивая свою роль спутника и ближайшего друга мужа, жизнь которого прошла перед её глазами, знающего его лучше и дольше других, мемуарист уверяет в правоте своих суждений и правдивости сведений о нём. Описывая совместную жизнь с Мережковским, Гиппиус особо отмечает необычный характер отношений между ними, начиная с первых дней знакомства, когда «у неё случилось что-то, совсем ни на что не похожее», хотя обращает внимание на различие их характеров и биографий, а также сообщает о сложном начальном периоде – ссорах и «супружеских сценах»: «По поводу этого романа у нас опять явились споры, наши „супружеские сцены“, вроде первых, насчет „Леонардо“ и „небо вверху – и небо внизу“». <...> Я уже не плакала, как в юности, а потому споры наши были горячее и длиннее. Никто из нас не желал сдаваться: Д.С. никогда сразу не сдавался в подобных наших спорах. Но через некоторое время, если я была права, конечно, – не боялся согласиться, что неправ он»³⁴.

Однако даже тогда писательница уверяет, что отношения эти складывались гармонично: «Это необходимо прибавить – разница наших натур была не такого рода, при каком они друг друга уничтожают, а, напротив, могут, и находят, между собою известную гармонию. Мы оба это знали, но не любили разбираться во взаимной психологии»³⁵.

В своих воспоминаниях Гиппиус пытается воссоздать духовный облик Мережковского – «писателя-человека» – трудолюбивого учёного, эрудита, полиглота, европейца и одновременно русского, которому Россия, «дороже всех краёв»: «Он был очень далёк от типа русского писателя, наиболее часто встречающегося, – замечает. – Его отличие и от современников, и от писателей более старых, выражалось даже в мелочах: в его привычках, в регулярном укладе жизни и, главное, работы. Ко всякой задуманной работе он относился с серьёзностью... я бы сказала – учёного. Он исследовал предмет, свою тему, со всей возможной широтой, и эрудиция его была довольно

³¹ Гиппиус, Зинаида. Дмитрий Мережковский // Она же. Собрание сочинений, т. VI, с. 195–432; с. 195–196.

³² См. Сергеев, Олег. Статья В. Злобина о З.Н. Гиппиус // Российский литературоведческий журнал, № 5/6, 1994, с. 323–343; с. 328.

³³ Гиппиус, Зинаида. Дмитрий Мережковский, с. 283.

³⁴ Там же, с. 282–283.

³⁵ Там же, с. 224.

замечательна. Начиная с „Леонардо” – он стремился, <...> ещё непременно быть там, где происходило действие, видеть и ощущать тот воздух и ту природу. <...> Ему, конечно, много помогало прекрасное знание языков, древних, как и новых. Для меня удивительная черта в его характере – было полное отсутствие лени. <...>. Вот всё это, вместе взятое, и отличало его от большинства русских писателей, заставляло многих из них звать его „европейцем”. <...> Да таким русским, как Розанов, сыном „свиньи-матушки” (как он называл Россию) – Мережковский не был. Но что он был русский человек прежде всего и русский писатель прежде всего – это я могу и буду утверждать всегда. Могу – потому что знаю, как любил он Россию, – настоящую Россию, – до последнего вздоха своего, и как страдал за неё...»³⁶.

Мемуарист изображает Мережковского главным образом как знаменитого «религиозного писателя» общеевропейской известности, преобразователя русской литературы, мечтающего о Вселенской Церкви самобытного религиозного мыслителя и прозорливого человека, пророка, видевшего больше, чем другие, который уже в 1907 г. в сборнике «Le Tzar et la Revolution» «предчувствовал безмерность русского пожара, предупреждая, что от него может сгореть и Европа»: «Наши путешествия, Италия, все работы Д.С., отчасти эстетическое возрождение культурного слоя России, новые люди, которые входили в наш круг, а с другой стороны — плоский материализм старой „интеллигенции” <...>, всё это вместе взятое, да, конечно, с тем зерном, которое лежало в самой природе Д.С., – не могло не привести его к религии и к христианству. Даже, вернее, не к „христианству” прежде всего, – а ко Христу, к Иисусу из Назарета, образ которого мог и должен пленять, думаю, всякого, кто пожелал бы, или сумел взглянуть на него пристальнее. <...> Надо сказать, что Д.С. изо всех нас, <...> оказался самым прозорливым. Еще в марте, когда у многих не погасла первая радость, он объявил: „Нашу судьбу будет решать Ленин”. И так упорно к этому Ленину возвращался <...>, что я, смеясь, вспомнила тургеневский „Бежин луг”, таинственного „Тришку”, прихода которого там все боялись, и стала называть Ленина „Дмитриевым Тришкой”»³⁷.

Характеризуя Мережковского, Гиппиус подчёркивает его совершенное одиночество, любовь к матери, скрытность и одновременно «молодую живость», его «способность заинтересовывать тем, что он говорил и чем сам интересовался». Пишет о его детской доверчивости и скромности, доброте и устремленности к идеалу. Оправдывая поступки и пороки мужа, пытается убедить читателя в его особенностях, оригинальности, таинственности: «Он был не то что „скрытен”, но как-то естественно закрыт в себе, и даже для меня то, что лежало у него на большой глубине, приоткрывалось лишь в редкие моменты. Его всегда занимало что-нибудь большее, чем он сам, и я не могу представить себе его, говорящего с кем-нибудь „по душам”, интимно, – о себе самом. Или даже выслушивающим такие откровенности или жалобы от другого о себе. Это <...> принималось за холодность, безучастие, невнимание или недоверие. Иногда за недоброту. Но я-то знала его к людям доверчивость, а что касается доброты, то она, уже совершенно никому неизвестная, кроме меня, <...>, более скромного человека-писателя, чем Д.С. Мережковский, я никогда не встречала. Но он слишком громко и смело говорил всегда о „своём” (как и я), то есть о том, что считал верным и нужным знать другим, что, обычно никто о его этой „скромности” не подозревал, – или просто не думал. Он очень радовался, когда удавалось пристроить ту или другую книгу в какой-нибудь стране, радовался и тому, если за неё хорошо было заплачено <...>, по-детски радовался, когда человек, ему приятный, хвалил что-либо, им написанное, на меня сердился, когда я недостаточно пространно говорила с ним о только что написанной вещи, или долго спорил, если я с чем-нибудь не соглашалась, – но о своей, в последние десятилетия „знаменитости” не только никогда не думал, – просто ею не интересовался»³⁸.

В воспоминаниях, на страницах которых неоднократно подчёркивается «нерушимая взаимная привязанность» Мережковских, автор ищет смысл не только жизни мужа, но и своей

---

³⁶ Там же, с. 239–240.

³⁷ Там же, с. 366.

³⁸ Там же, с. 283–284.

собственной. Подобно другим мемуаристам, Гиппиус сосредотачивает внимание на том, что считает самым главным и существенным в супруге и своих с ним отношениях. На первый план старается выдвинуть мысль о его душевном развитии, «постоянном росте, в одном и том же направлении, <...> изменении (без измены)»³⁹, или же о внутренней эволюции Мережковского: «Д.С. Мережковский – писатель религиозный, как всем известно. Что таким был в течение нескольких последних десятилетий своей жизни – слишком ясно, но был ли он религиозен с юности – это вопрос. И во всяком случае – как он таким сделался, где истоки этого, каким шёл путём? Вот это я хочу немного определить, коснуться этого, – иль этих начал, – прежде, чем мне придётся определять самую его религиозность и его тут идеи»⁴⁰.

Гиппиус изображает переход мужа к христианству: от первоначального «живого интереса ко всем религиям» и всем церквам, христианским и не христианским и равнодушия ко всякой обрядности. Этот переход (или поворот) происходит под влиянием пленения Христом, жизненных испытаний, событий вроде Религиозно-философских собраний и встреч. Решающей, как вытекает из воспоминаний, является встреча с самой Гиппиус – автором или инициатором многих мероприятий, теорий и идей, которые впоследствии развивал Мережковский, в том числе идеи о тройственном устройстве мира и религиозной общественности. С другой стороны, мемуарист особо отмечает влияние мужа на самоё себя, утверждая, что он был для неё опорой и путеводной звездой в идейных исканиях: «...случалось мне как бы опережать какую-нибудь идею Д.С. Я её высказывала раньше, чем она же должна была ему встретиться на его пути. В большинстве случаев он её тотчас же подхватывал (так как она, в сущности, была его же), и у него она уже делалась сразу махровее, принимала как бы тело, а моя роль вот этим высказыванием ограничивалась, я тогда следовала за ним. <...>. Иногда случалось, что первая идея принадлежала ему. Если я её не понимала и была не согласна, я редко следовала за ней, пока не убеждалась в её правоте. Так же и он, и тогда происходили между нами ссоры, мало похожие на обычно-супружеские»⁴¹.

Сравнительный анализ дневниковых записок и воспоминаний Зинаиды Гиппиус свидетельствует о том, что, реконструируя в книге о муже его личность и творческий путь, мемуарист идеализирует его (и собственное) прошлое во имя будущего, замещая психологический портрет из дневников его мифологизированным образом. Это изменение в большой степени связано с характером и структурой дневников и воспоминаний. Первые – как замечает Михал Гловиньски, – это «форма без формы», где правилом является «отсутствие всяких правил»⁴²; они пишутся чаще всего «для себя», без руководящей идеи, важно здесь само течение жизни. Мемуары – это предназначенный для других рассказ о жизни, подчинённый определённой концепции самого себя и другого, осуществление какого-то замысла в поисках сути собственного существования. Итак, с помощью отбора информации, умолчаний, пополнения повествования событиями, в которых Мережковский выдвигается на первый план, а также оправдания и переосмысления некоторых фактов Гиппиус изображает супруга как «замечательного человека»: выдающегося религиозного писателя, мыслителя и пророка.

Ivona Krycka-Michnovska: **Dmitry Merezhkovsky in the diaries and memoirs of his wife**

The research target of the article is the portraits of Dmitry Merezhkovsky left in the diaries and the memories of his wife Zinaida Gippius. Comparative analysis of these portraits shows that, while reconstructing the personality and the creative biography of her husband, as well as the nature of her personal relationship with him, the author of the memories idealizes his (and her own) past in the name of the future. Thanks to selection of information, understatement, appending the narrative with events in which Merezhkovsky comes to the fore, and reconsideration of some of the facts, Gippius shows her husband as a “great man”: a prominent religious writer, thinker and prophet.

Keywords: diaries, memoirs, comparative analysis, portrait, idealization of the past.

³⁹ Там же, с. 224.

⁴⁰ Там же, с. 222.

⁴¹ Там же, с. 224.

⁴² См. Głowiński, Michał. Gry powieściowe. Szkice z teorii i historii form narracyjnych. Warszawa: PWN, 1973, с. 77, с. 84.